

**ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО АГРАРНОГО СОЦИУМА С
КРЕСТЬЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННОСТЬЮ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА**

Великий П.П., д.филос.н., Мореханова М.Ю., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье раскрываются аспекты влияния крестьянской традиционности, которую авторы оценивают не как нечто отсталое и отжившее, а как сущностную характеристику аграрного социума и важнейшие черты стиля жизни специфики соучастия сельских жителей в сельскохозяйственном производстве, экономических отношениях. Обращаясь к истокам крестьянской традиционности и современному опыту ее корректирующего влияния на ситуации АПК, авторы доказывают, что она неизменно содержала трудолюбие, огромное терпение и стойкость, а в отношении к внешнему миру преобладанием защитной функции, поскольку акции государства в отношении крестьянства практически никогда не совпадали с его исконными чаяниями. Испытанием жизнестойкости постсоветского крестьянства стал перевод аграрного сектора на рыночный порядок функционирования. Модель аграрной реформы 90-х годов XX века не предусматривала решение главного вопроса жизни – занятости для всех категорий трудоспособного возраста, живущих в сельских территориях. Поскольку данный подход сохраняется до последнего времени, крестьянская традиционность остается замкнутой не столько на поддержку новаций в АПК, сколько на использование каналов выживания, проверенных прошлым опытом и приобретенным в условиях отстранения и эксклюзии.

Хотя с позиции внутренних потребностей в стране налажен механизм создания продовольствия, но с точки зрения будущего по мере вхождения в мировые экономические связи и научно-технического прогресса полнота использования потенциала всех социальных ресурсов, особенно крестьянской традиционности, остается актуальной задачей аграрной политики. Исходя из данной посылки, в статье обоснованы подходы к формированию механизма управления данным процессом с опорой на методологический и методический потенциал теорий социального проектирования и планирования, программирования и социальных технологий, учитывающие крестьянскую традиционность как ресурс решения общезначимых целей.

Ключевые слова: методология, крестьянская традиционность, потребности, аграрный сектор, социальные группы, занятость, репродукция, научно-технические новации.

**IDENTITY OF MODERN AGRARIAN SOCIETY WITH PEASANT'S
TRADITIONALISM AS A SOCIAL RESOURCE FOR THE FUNCTIONING
OF THE AGRARIAN SECTOR**Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences,
Morekhanova M.Yu., candidate of sociological sciences, IAGP RAS

The article reveals aspects of the influence of peasant traditionalism, which is assessed by the author not as something backward and obsolete, but as an essential characteristic of an agrarian society and as one of the most important features of the lifestyle of the specifics of rural participation in agricultural production and economic relations. Turning to the origins of the peasant traditionalism and the modern experience of its corrective influence on the agro-industrial complex, the author argues that it invariably contained diligence, great patience and perseverance; and in relation to the outside world it contained the predominance of a protective function, since the actions of the state towards the peasantry were almost never coincided with its original aspirations. The test of the viability of the post-Soviet peasantry was the transfer of the agricultural sector to the market form of functioning. The model of the agrarian reform of the 1990s did not provide for the solution of the main issue of life - employment for all categories of working age living in rural areas. Since this approach has been maintained until recently, the peasant traditionalism is focused not so much

on the support of innovations in the agro-industrial complex as on the use of survival channels tested by past experience and acquired under conditions of exclusion.

Although taking into consideration domestic needs, the country has established a mechanism for food production, from the point of view of the future, the full use of the potential of all social resources, especially peasant traditionalism, is an urgent task of agrarian policy. Based on this premise, the article substantiates the approaches to the development of the mechanism for managing this process based on the methodological potential of theories of social design and planning, programming and social technologies that take into account peasant traditionalism as a resource for achieving meaningful goals.

Keywords: methodology, peasant traditionalism, needs, agrarian sector, social groups, employment, reproduction, scientific and technical innovations.

Введение.

Термины «традиция», «традиционное» воспринимаются нередко как проявление состояний и действий противоположных новациям и потому на них лежит печать косного и отсталого. Особенно острой критике подвергается крестьянство, от которого реформаторы ожидали поведения, соответствующего их доктринам.

Так, в ходе столыпинской аграрной реформы далеко не все члены сельских сообществ проявили готовность выделиться из общины и хозяйствовать самостоятельно. Потом они не хотели записаться в колхоз, а в период современной аграрной реформы в фермеры оформилась очень небольшая их доля относительно всей массы экономически активных сельских жителей. Поведение современных постколхозников объясняется либо их патернализмом, либо отсутствием предпринимательских качеств, либо желанием жить в тепле коллектива, другими словами традиционализмом со знаком минус. Мы полагаем, что это слишком плоское объяснение массовых поведенческих практик. Во-первых, суть традиционности находится в более глубинных пластах народной жизни, и нельзя смешивать главные и второстепенные ее проявления. Трудолюбие, терпение, умение выживать, обладая лишь скудными ресурсами, солидарность с сообществом, в котором протекает повседневность – далеко не полный перечень традиционных социальных качеств крестьянства. Эти качества невозможно оценивать как общественно незначимые, тем более как отрицательные. Во-вторых, традиционность, какой бы она ни была, согласно организационным теориям, может послужить общественно значимым созидательным целям. В-третьих, неоднократно демонстрируемая крестьянами сдержанность во включении в акции, которые пытаются реализовать властные структуры, должна бы подвигнуть последних на осмысление и коррекцию механизма продвижения новаций в социальной и хозяйственной жизни села.

Цель настоящей публикации – раскрыть сущность предпосылок, обуславливающих жизнедеятельность сельчан, их адаптацию к изменениям, проанализировать факторы, влияющие на тот или иной выбор жизнеустройства. Цель определяется потребностью реформирования социологического знания о месте сельских территорий в поддержание баланса экономических, социокультурных ресурсов механизма создания продовольственной безопасности страны и месте в этом сельского населения. Актуальность связана с тем, что сельские территории с размещенными в них субъектами аграрного производства находятся в динамике. Ситуация начала нулевых годов, тем более нынешних, существенно различается, наполняясь новыми элементами, которые действуют и дают результаты не только позитивные, но и нередко парадоксальные по последствиям в разных областях жизни села. Причем эта цель реализуется применительно к конкретным процессам формирования новых укладов экономики в аграрном секторе, в которых центральное место должен занимать человек, как индивид и как член социоструктурного образования.

Методология и методика исследования.

Для анализа избранной темы использованы три парадигмы социологии: социальных определений, социальных факторов и социального поведения, с помощью которых можно

очертить не только образ изучаемого предмета, но и обосновать модели целенаправленных преобразований реальности.

Центральным является понятие традиционность, в котором охватываются общие черты поведения социумов, в разной степени поддающиеся институционально заданным параметрам изменения.

Традиционность своеобразно участвует в социальном конструировании реальности, посредством явных и неявных смыслов и действий индивидов. Питер Бергер в обоснованной им модели «человек в обществе» и «общество в человеке» показал, что человек, приобретая некий новый для себя статус, с одной стороны начинает играть роль, приписываемую обществом, с другой, в чем-то остается и с тем, что впитал «с молоком матери», чем наделен традиционно. Это важно учитывать в процессе анализа реалий, в которых всегда находится место сосуществованию и проникновению друг в друга несовместимых элементов (парадоксальность, кентавринизм).

Совокупность причин принято считать фактором, который влияет, определяет состояние процесса. Однако нельзя забывать, что фактор, действующий в одном направлении (и дающий в нем позитивные результаты) зачастую наносит ущерб в какой-то другой области социального пространства. Село особенно чувствительно к факторам «короткого действия», примером чего явилась оптимизация сети медицинских учреждений и школ, которая будучи как бы благом с экономических позиций (экономия средств) наносит удары по сохранению сельского населения в его структуре оптимальной, с позиции репродукции слоев и групп, ответственных за сохранение и возделывание территорий.

Третья группа понятий замыкается на категорию поведение, модель которой доступная операционализации, представлена А.Маслоу. Логика ее строится на восхождении от низшей к высшей и более высокой ступени их ценности, практической, вещественной и духовной.

Поскольку переход к более высокому уровню реализации потребности происходит в условиях ограничений, которые должны быть поняты человеком (в контексте соизмерения со своими силами и легитимностью достижения цели), то необходимым для экономических целей является понятие смысл. Это мир человеческого измерения, функционирования социального потенциала людей, их возможностей и готовности принять/не принять, содействовать/быть пассивным осуществляемым в обществе и государстве преобразованиям [1].

Мир этот репрезентирует себя в показателях вещественного и духовного характера. Однако они редко обладают свойством прямых и непосредственных свидетельств о тех или иных чертах смыслов.

Чаще всего – это косвенные свидетельства о признаках, которые пытается найти исследователь, поэтому нужно использовать весь арсенал техник методов социологии.

Основные результаты.

Крестьянская традиционность замыкается на несколько полей, обеспечивающих выживание людей сельских территорий. Это:

1. Земля как ресурс, обладающий плодородием.
2. Технологии, обеспечивающие совместность аграрной деятельности и сохранения ландшафтов.
3. Состыковка аграрного производства с социальной сферой, исходя из принципов человекосоразмерности, без чего репродукция сельского населения ставится под вопрос.

Идентичность с крестьянской традиционностью проявляется в том, что при включенности в данные поля сельский человек исходит из принципов достаточно устойчивых, сложившихся за длительный период жизни общества.

Когда в первые годы власти Советов у крестьян появилась свобода и независимость от государства, они не бросились в омут торгашества, а стали строить, благоустраивать свою жизнь. Крестьяне, руководствуясь смыслами традиционной общинности, поддерживали раздел земли в 1924-1925 гг. по принципу «поравления» по едокам, но не сразу оценили пользу для себя сельскохозяйственной кооперации. Не было доверия и новой советской власти,

главная причина чего заключалась в отсутствие эквивалента: ни денежного, ни товарного. Зерно забиралось у крестьян под видом «излишек» [2].

Иногда в оценках постсоветских изменений в РФ преувеличивается смысл «победы» над традиционализмом. Если городские жители действительно стали больше ориентироваться на индивидуальный выбор и личную ответственность [3] (и то, в тех пределах, которую задает локальная среда П.В., М.М.), то в селе ситуация с вытеснением традиционализма более сложная. Здесь традиционализм для многих оказался спасительным средством выживания в «эпоху перемен». Крестьянство, опривычевшее неспешные вклады государства в сельскохозяйственное производство и особенно в их жизнеустройство на основе твердых институциональных правил, вдруг обнаружило себя в ситуации стоящим перед эскалатором, движущимся в разных направлениях и с разной скоростью. Решение, на какой из них вскакивать, моментально принять было трудно, поэтому ответ на основные вопросы жизнеустройства был «мы как все». Именно поэтому на первом этапе аграрной реформы преобладали хозяйственные структуры, чем-то напоминавшие колхозы - товарищества, СПК и колхозы, как-то приспособляющиеся к рыночному порядку отношений.

Современная реальность села – это продолжение трех этапных переломов в его судьбе. Первый можно определить как *разрушение без созидания*, когда при мягких формулировках («могут переоформиться в корпоративные уклады») были ликвидированы колхозы и совхозы. Некоторое время (с 1991 по 1998 гг.) сельские сельхозпроизводители пребывали в организационной структуре: симбиозе псевдокапиталистических и солидаристских отношений. Проблемы этого этапа достаточно полно освещены в литературе [4]. Банкротство, распад хозяйств и социальной инфраструктуры сел, метание сельчан в поиске ресурсов выживания – наиболее яркие черты того времени.

В этот период разыгрались и идейные споры между сторонниками высоко оценивающими индивидуализм крестьян («все мечтают быть самостоятельными хозяевами», т.е. фермерами и теми, кто был убежден, что они нуждаются в структуре коллективного организованного труда) Тот и другой подходы были апробированы и возможно дали бы лучшие результаты при достаточной государственной помощи, но она проявлялась в этот период рывками, эпизодичностью, малыми ресурсами. Нормативная база также была несовершенной: сельчанам, вставшим на путь фермерства, негде было взять земли, а корпоративным укладам нормы предписывали порядок функционирования схожий с колхозным (особенно СПК).

Смыслы обустройства экономики и производства были выдержаны в духе традиционализма. Об этом свидетельствуют данные опроса жителей села в 1991 – 1992 гг. (табл.1).

Таблица 1 - Распределение ответов о целесообразных формах производства
(в процентах к числу опрошенных).

Саратовская область, село

	Формы производства, сложившиеся в прошлом – государственные предприятия, колхозы и т.п.	Кооперативные предприятия	Частные предприятия, но без права найма рабочей силы	Частные предприятия с ограниченным правом найма рабочей силы	Частные предприятия с неограниченным правом найма рабочей силы	Затрудняются ответить
1	2	3	4	5	6	7
все опрошенные	75	3	2	4	6	10
физический труд	78	2	2	3	6	9
в т.ч. квалифицированный	70	3	3	5	8	11
умственный труд	67		3	5	7	14
в т.ч. специалисты выс. кв	60	0	3	11	11	14

Тверская область, село

все опрошенные	49	2	2	5	16	27
физический труд	51	2	2	4	11	29
в т.ч. квалифицированный	53	1	3	6	10	27
умственный труд	41	3	2	7	25	22
в т.ч. специалисты выс. кв	46	6	0	6	18	23

Продолжение таблицы 1

Краснодарский край, село

1	2	3	4	5	6	7
все опрошенные	71	6	3	4	6	10
физический труд	73	6	3	4	4	10
в т.ч. квалифицированный	66	5	1	3	10	14
умственный труд	65	6	3	4	12	10
в т.ч. специалисты выс. кв	57	4	2	2	22	12

Примечание:

*Исследование проведено под руководством чл.кор. РАН Ю.В. Арутюняна по единой методике в 1970 годах и 1991-1992 гг. Опрошено: 1000 и 500 чел. В последнем исследовании соавтор Великий П.П. принимал участие. Результаты опубликованы в кн. Арутюняна Ю.В.. Россияне: жители города и деревни. Серия: Этносоциология в цифрах. М., 1995. Данные для таблицы 1. взяты со стр. 76-77.

**Данные табл.1 демонстрируют установки работников физического и умственного труда на нежелание расставаться с привычными (коллективными) организациями. Сходны и установки на частную земельную собственность (не превышает 8-12 проц. опрошенных).

Следующий перелом социальной ситуации произошел в середине 2000 годов, когда экономика корпоративных укладов подстроилась под установленные нормы, общепринятые в рыночном хозяйстве с российскими «вкраплениями».

Прошло десять лет, но установки на пользование выгодами, которые дала аграрная реформа, оказались очень скромными. По данным ежегодного доклада ВНИИЭСХ, из года в год фиксируется нежелание сельского населения работать в рамках существующих организаций, что выражается пассивной позицией в поиске работы.

Среди трудоспособных членов домохозяйств, занятых только в ЛПХ, доля нежелающих перейти в какую-нибудь организацию (т.е. через нее поддерживать свое благополучие) составляет в 2007 г. 24,7%, в 2008- 26,2%, в 2009 – 30,4%. Среди лиц, ведущих семейные хозяйства, их доля с 2000 по 2008 гг. колеблется от 8,5% до 9,9%, среди пенсионеров от 16,8% до 16,9%; от 26,5 до 33,4%. Не привлекает и фермерство по таким причинам, как: нет достаточного капитала, а льготный кредит не получить (40,7%), не хватает знаний (13,0%), опасение того, что можно «прогореть» (30,9%), нет здоровья и годы уже не те, а помощников в семье нет (14,6%) [5]. Складывается ситуация, когда занятость в корпоративном секторе и ЛПХ мало отличается по перспективе мобильности.

Логика развития АПК к началу второго перелома не согласуется с утверждением о росте занятости сельского населения. К концу второго перелома, когда развернулся захват земель сельскохозяйственного назначения агрохолдингами, пространство занятости селян на земле сократилось. Причин несколько: во-первых, крупхоз акционерного типа терял самостоятельность в составлении штатного расписания. «Лишние» работники, с точки зрения менеджмента агрохолдингов, увольнялись. Во-вторых, те хозяйства (крупхозы), которые оставались самостоятельными, в силу нормативных требований также оптимизировали структуру кадров.

Нельзя не учитывать и такой факт, как соотношение видов работ в современном крупхозе, в которых могли быть заняты работники физического труда разной квалификации и труда умственного (к которому по сложившейся в аграрной социологии градации относятся специалисты с высшим образованием – агрономы, инженеры, ветврачи, экономисты и др.).

По данным опроса (2017 год) в двух субъектных ПЭО более 38% опрошенных из 170 респондентов посчитали, что для работы в сельском хозяйстве достаточно иметь лишь общее неполное и среднее образование, а навыки, необходимые для выполнения почти всех видов труда можно получить на рабочем месте. В то время как специальное профессиональное образование (ПТУ, техникум, колледж) нужно по мнению 22%, вуз - 30% респондентов.

Такие невысокие ориентиры на планку профессиональной компетенции обусловлены, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, с износом основных фондов в сельском хозяйстве (на конец 2014 г. 36,6%) и сокращением обеспеченности сельскохозяйственной техники. Если в 2000 г. на 1000 га пашни приходилось 4 трактора, то в 2015 г. 3. Среднее число зерно-

уборочных комбайнов на 1000 га посевов снизилось с 3 в 2000 г. до 2 в 2015 г., картофелеуборочных комбайнов на 1000 га посадок – в 2000-2010 гг. сократилось с 46 до 18 в 2013 г. Для модернизации парка сельхозтехники нужно обновить более 270 тыс. ед. тракторов, 57 тыс. ед. зерноуборочных и 10 тыс. ед. кормоуборочных комбайнов. Выбытие техники все еще опережает ее поступление. Отставание от нормативов потребности на 25-32 процента. Во-вторых, в подавляющем числе крупхозов отсутствует животноводство, в котором всегда находилась работа для неквалифицированных работников в течение всего года. Занятые в полеводстве (основной отрасли современных крупхозов) не могут рассчитывать на круглогодичную работу и сохранение зарплаты [6]. По данным опроса Центра прогнозирования и маркетинга опрошено в 2015 году 1000 человек в 77 селах 22 субъектов. Установлено, что работают круглый год более 80%, а 9% - в среднем лишь 6,9 месяца [7]. В третьих, хотя обновление сельскохозяйственной техники все же происходит, но доступ к ней имеет ограниченный круг работников, морально ответственных, которые пользуются доверием собственников и менеджмента. Не дала результатов и идея частной собственности на землю: земельные паи получили только 32% сельчан, из которых 10,3% продали, 40% сдали в аренду фермерам и сельскохозяйственным предприятиям, 3,4% лишились своих прав на паи по тем или иным причинам [8].

Таким образом, первый перелом, имеющий всеобъемлющий смысл и значимость, произошел при сломе коллективно организованного жизнеустройства сельского населения. Как в 1990 г., так и до ныне самой распространенной среди селян является оценка «надо было делить не так». Обычно за нею видят факт приверженности крестьянства к патернализму, хотя его поведение скорее свидетельствует о логике народной мудрости: не ломать устоявшееся, а преобразовывать. Результатом первого перелома, который действует до настоящего времени, явилось разделение членов сельских сообществ на сильных и слабых. Первые – фермеры, акционеры с голосующими акциями, узкий круг механизаторов высокой компетенции, которые малочисленны. Вторые, в число которых вошли трудоспособные механизаторы, животноводы, работники полеводства и другие работники, в том числе специалисты с высшим и средним образованием, в новых аграрных укладах оказались лишними.

Если в ходе первого перелома гуманистический смысл перемен еще кое-как пытались, хоть безуспешно, на местах соблюсти, то на втором переломе рыночная экономика «очистилась» от намерений, что либо сделать для слабых. Как отметила З.И. Калугина «2005 год стал точкой бифуркации на сельском рынке труда. С начала 2000 по 2009 гг. численность занятых сократилась на 27% (почти на 2,5 млн. человек. П.В.), около полумиллиона сельских безработных отчаялись найти хоть какую либо работу и перешли в когорту экономически неактивного населения [9]. Оба эти перелома произошли по модели американских экспертов, опробованной в Нижегородской области, исключавшей социальные стороны преобразований, в частности выводившей социальную инфраструктуру за пределы внимания хозяйственников. Это противоречило этосу крестьян, опривычивших коммуниарные начала своего советского бытия.

Отсутствие больших сдвигов в производстве сельскохозяйственной продукции подвинуло органы, ответственные за АПК, пойти в середине 2000 годов на новый шаг преобразований: открыть дорогу агрохолдингам, которые распространились во всех территориях Федерации. Вместе с этим село вступило в третий перелом в своей судьбе, который, как и предыдущие, не ведет к улучшению жизнеустройства его населения, и уже возникло немало проблем в организации питания всего населения страны.

По данным опросов, проведенных Р.Р. Салахутдиновой, 72,9% респондентов не удовлетворены оплатой труда и 54,4% порядком его оплаты, между тем 76% руководителей крупхозов считали, что она хорошая и очень хорошая и почти столько же (71,9%) оценили аналогично высоко порядок оплаты. Разница между оценками получающих блага и руководителями составляет по размеру оплаты на 55,2, по порядку оплаты труда на 24,1 единицы. При этом размер оплаты не зависит от количества времени, проведенного на работе, и что их статус на работе в «небольшой степени не зависит от собственных усилий» (34,2%) [10].

В сельскохозяйственном производстве лифты восходящей мобильности, т.е. перехода от низкого к более высокому социальному положению и статусу находятся в зависимости от мощности и отраслевого состава сельскохозяйственных предприятий. В регионах специалисты дифференцируются в зависимости от того, в какой группе хозяйств они трудятся, каков объем сельскохозяйственной продукции за предшествующие 5 лет, размеров уборочной площади, количества условных голов скота, тракторов, автомобилей и другой техники. Аналогичен подход к структуре экономической службы, бухгалтерского учета и финансовой деятельности, материально-технического снабжения, капитального ремонта и других подразделений хозяйства. В то же время представители разных страт пользуются неодинаковым престижем и уважением и неравными правами по доступу к необходимым и дефицитным благам. В России это имеет глубинные корни, реализуясь в устойчивой модели соединения власти и собственности.

Аграрная политика в данном направлении зачастую ограничивается только совершенствованием оплаты труда и улучшение бытовых условий. Между тем, перспектива восхождения от низкой к более высокой позиции в социальной структуре не менее актуальна. Тем более, что в структуре специалистов высокой квалификации молодые люди до 30 лет занимают 15-20%, основную же часть представляют 50-60 - летние. Сельская молодежь не видит в сельской реальности доступных социальных лифтов, и это не может не влиять на успешное распространение новых сельскохозяйственных укладов.

Итак, на этапе выбора вариантов включения в рыночную экономику вчерашние колхозники заняли позицию избегания неизвестных событий будущего. Таких событий, которые не проверены личным опытом, что демонстрировали крестьяне и при проведении Столыпинской реформы. Современные аналитики в оценке поведения крестьян в начале XX века и сегодня оценивают как проявление отсталости (колхозное крестьянство как опривычевшего патернализм).

Однако на эти факты можно посмотреть иначе – как на проявление народной мудрости в духе традициональности: ведь Столыпинская реформа была сорвана своими внутрисельскими силами, крестьянам пришлось делать шаг назад, а те, кто все же закрепились в качестве фермеров, были в советское время репрессированы как кулаки.

Это одна сторона детерминации отстраненности постколхозного крестьянства от бездумного прыжка в омут неизвестных событий [11]. Народная память долго удерживает драматические события, особенно если они коснулись судьбы семей.

Другая сторона связана с высокой ценностью коммуниарной организации своего жизнеустройства. Как известно, первые коммуны (израильские киббуцы) появились еще в 1912 году и существуют до сих пор, успешно решая продовольственные вопросы страны. Равенство, как главный признак отношений между людьми в киббуце и при этом всестороннее удовлетворение потребностей является привлекательным смыслом, потому, что открывает хорошую перспективу реализации потенциала общности, описанного в общих чертах Ф. Теннисом. Выбор смыслов относительно будущего своего участия в рыночных укладах постколхозники вновь проявили *осмотрительность и склонность к коллективному началу даже при том, что оно оказалось урезанным* [12].

Появление вертикально интегрированных структур (агрохолдинги) и концентрация ресурсов в руках крупных фермерских хозяйств на третьем переломе в аграрном секторе дало некоторые позитивные экономические результаты.

В 2015 году в целом по сельскохозяйственным организациям и по большинству видов продукции рентабельность оказалась самой высокой за последние 10 лет. Этому же способствовало внедрение новой техники, в основном иностранного производства. Например, по молочным комплексам 70% комплектующих были импортными [13]. Данный процесс, несомненно, будет продолжаться и углубляться. Отечественный аграрный сектор все больше будет включаться в мировые связи, испытывая воздействие на себе конкуренции, и ни одна организация не может игнорировать ее глобальный контекст.

Дерегулирование экономики, слияние и поглощение организаций, повсеместное усиление влияния на повседневность людей технологических нововведений, изменение поведения потребителей («власти берут клиенты»), размывание границ региональными и глобальными бизнесами – неизбежная перспектива агросферы каждой страны [14]. Конечно, все эти изменения не приходят моментально и некоторое время сосуществуют тенденции нового и старого. Старое включает, как уже отмечалось выше, традиционность, исполняющую свою «собственную мелодию», в которой самым значительным является мотив сбережения социума во всех смыслах: демографическом, социально-профессиональном и духовном. Особенно важным аспектом является аспект сохранения такой структуры жителей села, чтобы из ее состава формировались кадры высокой профессиональной компетенции.

Выводы.

За 30-летие начала аграрной реформы в сельской реальности произошли определенные достижения, но сохраняются целый ряд нестыковок, которые обусловлены тем, что модернизация производства не включает в себя ресурс и позитивный потенциал крестьянской традиционности. Этот ресурс выполняет скорее защитную функцию в повседневности сельских жителей, что проявляется в следующем:

1. Обрыв экономической, производственно-трудовой связи большей части сельских сообществ с новыми организациями. Связь производства с потребностями в трудовой занятости каждой из групп сельских жителей не восстанавливается и находится вне управленческих воздействий. Между тем фермеру, как и корпоративной сельскохозяйственной организации, нужны индивиды, избранные, в чем-то соответствующие нуждам производства в данный момент. Остальные члены сельских сообществ для новых укладов как бы не существуют. Этот разрыв еще больше возрос после распространения в РФ агрохолдингов.

2. Неясность и неопределенность будущего - отсутствие веры сельских жителей в то, что государство озаботится данной проблемой.

3. Поиск и использование ниш, где можно получить средства для выживания за пределами сельских поселений, места своего жительства.

4. Ослабление намерений сельской молодежи связывать перспективу своего жизнеустройства в сельской местности.

5. Сокращение возможностей сохранения здоровья, обучения детей, общения с культурными ценностями по месту жительства.

В этих условиях идентичность слоев и групп крестьянской традиционности, характеризующая консерватизмом, воспринимаемый аналитиками как тормоз дальнейшего развития рыночных отношений в агросфере следует оценить как социальный ресурс репродукции *стойкости* сельских жителей. Т.е. имеет позитивный смысл, учитывая, что сельчане по доходам, социальному обслуживанию поставлены в конце списка занятых во всех остальных отраслях национальной экономики. Доля тех, кто «работает неизвестно где», среди них наиболее высока. При этом научно-технический прогресс в АПК не облегчает, а наоборот обостряет эту проблему. При большой протяженности территорий и природно-климатической специфики всегда останется место малым формам хозяйствования, в которых главным ресурсом будет трудовое поведение, присущее ее позитивным созидательным смыслам крестьянской традиционности. Отлаживание механизма реализации потенциала национального АПК за счет различных ресурсов, включая ресурсы социальные, является необходимым условием его состыковки с мировым рынком.

Научный подход к данной теме включает несколько этапов. Первым из них является выбор методологических принципов обоснования целей, которые должны быть достигнуты с помощью всего арсенала ресурсов, располагаемых проектированием, программированием и социальными технологиями. Здесь возможны два подхода: первый характеризуется не столько масштабом поставленных целей и задач, сколько реалистичностью, т.е. избранием тех средств, способов, форм и методов социального влияния, которые способны преобразовать действительность. Второй подход - это попытка решения задачи социальных преобразований быстро, решительно, в один прием. Такой подход не способен предупредить нежелательные,

вредные последствия внедряемых (или декларируемых) мероприятий. С первых шагов аграрной реформы стало очевидным, что именно такой революционный подход применен к АПК и сельским территориям и потому выбор стратегических приоритетов формирования и использования социальных ресурсов в первую очередь должен быть направлен на устранение /исправление накопившихся издержек в социально-экономических, социокультурных отношениях и жизнеустройстве социальных групп социума.

Трудно представить себе сохранение активного и конкурентоспособного социума, живущего в ситуации непреходящих ограничений в реализации его потребностей. Снятие или сокращение этих ограничений должно быть основной целью научной разработки методологии избранной темы.

Список литературы:

1. Тощенко Ж.Т. Базовые смыслы жизненного мира сельских жителей// Смыслы сельской жизни, Опыт М.: С. 17.
2. Большаков А.М. Деревня 1917 -1927 гг. М.: Работник Просвещения. 1927. С. 51.
3. Дискин И.Е. Революция против свободы. М.: Европа. 2017 . С.224.
4. Пациорковский В.В. История и теория. Сельская Россия: 1991-2001 гг. – М.: 2003.
5. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2009 г. М 2010. С. 72.
6. Гурдин К. Новая жизнь села // Аргументы недели. 24 января. 2019 г. С.6.
7. Смыслы сельской жизни. (Опыт социологического анализа) // Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр прогнозирования и маркетинга. 2016. С. 311.
8. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Т. 27. 2018. № 1. С. 13.
9. Калугина З.И. Инверсии сельской занятости: практика и политика // Рыночная трансформация аграрного сектора России. Социологический дискурс.- Новосибирск. Изд-во ИЭОПП. РАН. 2015. С. 209, 212.
10. Салахутдинова Р.Р. Социально-трудовые отношения в аграрной сфере: теория и практика. М.: Изд-во «Палеотип». 2009. С. 131-132.
11. Великий П.П. Спасибо мужику за консерватизм. Деловой мир. 09.02. 1991.
12. Теннис Ф. Общность и общество. – СПб.: «Владимир Даль». 2002.
13. Кулов А.Р., Соловьева Н.Е. Состояние технической обеспеченности сельского хозяйства и тенденции его развития на современном этапе // Научный результат. Экономические исследования. - Т.3. № 2. 2017. С. 79.
14. Prahalad C.K. Hamel G. Strategyas a field study why search for a new paradigm? Strategie Management Journal (Summer Special issue). 1994. P. 6-15.